

Закончив умываться и переодевшись, Ань Чанцин принял Ван Фугуя. Дворецкий пришел отчитаться по двум поручениям, которые тот давал ранее. Во-первых, счета всех имений и лавок, принадлежащих поместью, были полностью сведены, и Ван Фугуй хотел узнать, куда их отнести. Во-вторых, усадьбу на горе Цинъюнь уже привели в порядок, и управляющий прислал оттуда десяток обученных слуганок, спрашивая, как их разместить.

— Счетоводные книги перенесите в кабинет князя и сложите в пустующей боковой комнате. А слуганок пока обучите правилам поместья; когда освоятся, отправите во двор Цинъю.

Двором Цинъю именовались покои, где сейчас жили госпожа Юй и Ань Сяньюй.

Ван Фугуй поспешно кивнул. Ань Чанцин спросил:

— Как поживают Чжоу Хэлань и его мать?

— Лекарь Ху выписал лекарства, и госпожа Чжоу уже принимает их, выглядит она куда лучше, — ответил дворецкий Ван. — Что до молодого господина Чжоу, он приходил дважды, но вас не было в поместье. Он даже просил меня дать ему какую-нибудь работу, но, помня, что он ваш гость, я не дерзнул давать поручения на свое усмотрение.

Привезя их с горы Цинъюнь, Ань Чанцин поселил мать и сына в гостевом дворике и попросил Ху Шифэя осмотреть женщину. Однако затем он увяз в делах усадьбы, а потом его неожиданно вызвали во дворец, так что наведаль он их лишь единожды. Всё остальное время о них заботился дворецкий Ван.

Немного подумав, Ань Чанцин сказал:

— Я пойду навещу их.

Ань Чанцин направился в гостевой дворик, но никак не ожидал встретить там тех, кого встретил.

— Матушка? Юй-эр? Что вы здесь делаете?

Войдя во двор, Ань Чанцин увидел госпожу Юй, Ань Сяньюй и матушку Чжоу. Все трое сидели на галерее и вместе вышивали. Правда, матушка Чжоу держала иглу довольно неуклюже.

Женщины поднялись ему навстречу. Госпожа Юй первой молвила:

— Мне нечем было заняться, вот и пришла посидеть. А ты почему здесь в такой час?

— Я пришел к Хэланю. — Ань Чанцин повернулся к матушке Чжоу: — Тетушка, как ваше самочувствие?

Матушка Чжоу замахала руками и на не слишком уверенном официальном языке Да Е произнесла:

— Меня зовут Мула. Молодой господин может звать меня по имени.

Сицянцы были кочевым народом, у них не было фамилий — только имена.

Однако Ань Чанцин лишь с улыбкой качнул головой. Хотя он и протянул руку помощи Чжоу

Хэланю с его матерью, да к тому же рассчитывал переманить Чжоу Хэланя к себе, он вовсе не собирался превращать их в слуг княжеского поместья. Чжоу Хэлань явно не был тем, кому суждено всю жизнь прозябать в низости; стать его правой рукой было бы для него лучшим исходом. А если его собственные владения окажутся слишком тесны и в будущем не смогут удержать Чжоу Хэланя, тот всегда сможет помочь Сяо Чжигэ — в любом случае всё полезное останется в семье.

С самого начала он относился к ним со всем уважением и почтением.

Видя, что он отказывается звать её по имени, матушка Чжоу не стала настаивать и лишь проговорила:

— Хэлань читает на заднем дворе, я пойду позову его.

— Я сам найду его. — Не желая прерывать их занятие, Ань Чанцин сам отправился на задний двор.

Чжоу Хэлань и вправду читал. Он заметил Ань Чанцина только тогда, когда тот уже подошел к двери, и, поспешно отложив книгу, поклонился в знак приветствия.

— Впредь не нужно этих пустых церемоний, — со вздохом проговорил Ань Чанцин. — Дворецкий Ван передал, что ты искал меня?

Чжоу Хэлань выпрямился и ответил:

— Да. Молодой господин пригласил лекаря для моей матери и предоставил нам кров. Мне тяжело сидеть без дела день за днем, на душе беспокойно.

Ань Чанцин улыбнулся:

— Что ж, как раз нашлась для тебя работа.

Лицо Чжоу Хэланя просияло:

— Говорите, молодой господин, я исполню любое поручение!

— Умеешь вести счета? — спросил Ань Чанцин.

Чжоу Хэлань кивнул:

— Умею.

— Вот и замечательно. — Ань Чанцин сначала думал, что тот не умеет, и собирался нанять счетовода для обучения, так что ответ юноши избавил его от лишних хлопот. — Тогда завтра утром приходи ко мне в главный двор, будем вместе разбирать книги.

.....

Закончив разговор, они вместе вышли в передний дворик. Там госпожа Юй, полуобернувшись, мягким голосом объясняла матушке Чжоу тонкости вышивания. Хотя матушка Чжоу всё еще выглядела не вполне здоровой, дух её был бодр. Она улыбалась, подбирая нити и продевая их в игольное ушко под руководством госпожи Юй. Ань Сяньюй стояла рядом и с улыбкой наблюдала за ними — атмосфера царила самая теплая и гармоничная.

Чжоу Хэлань замер на месте и, постояв немного, тихо проговорил:

— Я уже очень давно не видел матушку такой счастливой.

Когда ему исполнилось десять лет, его отец неожиданно исчез. С тех пор как мать взяла его с собой в Да Е на поиски отца, улыбка навсегда исчезла с её лица. Годы бесплодных поисков истощили её силы; понимая, что надежды почти не осталось, и страдая от тяжелой болезни, она не желала становиться для сына обузой. Она смирилась с мыслью о смерти и почти перестала говорить.

Хотя Ань Чанцин не знал подробностей их прошлого, он мог понять подобные чувства. Похлопав юношу по плечу, он произнес:

— Впредь всё будет только лучше.

Чжоу Хэлань улыбнулся ему, сделал шаг вперед и окликнул:

— Матушка...

.....

Ань Чанцин еще немного посидел во дворе, после чего отправился вместе с госпожой Юй во двор Цинъю. По дороге в основном говорила госпожа Юй, а Ань Чанцин и Ань Сяньюй слушали.

Вернувшись во двор Цинъю, Ань Сяньюй ушла убрать пьалы. Госпожа Юй отослала слуг, стоящих снаружи, взяла Ань Чанцина за руку и тихо спросила:

— Вы с князем... всё ли у вас хорошо?

Ань Чанцин не сразу понял, к чему она клонит, и спокойно ответил:

— Да, всё хорошо. Что может быть не так?

Госпожа Юй легенько шлепнула его по руке и с беспокойством уточнила:

— Я имею в виду... в супружеской постели...

В конце концов, это были интимные дела её сына, и касаться их ей не следовало, но на душе у неё было беспокойно, и, не выяснив всё до конца, она просто не могла успокоиться.

Ань Чанцин был смутителен. Его лицо мгновенно вспыхнуло розоватым румянцем, и он постеснялся признаться, что на самом деле они с князем даже не делили ложе, а потому лишь пробормотал с наигранным недовольством:

— Матушка, с чего вы вдруг спросили об этом?

Госпожа Юй заволновалась:

— Когда вы делите ложе... нет ли чего-то необычного?

— Необычного? — опешил Ань Чанцин. — Что там может быть необычного?

Госпожа Юй внимательно взгляделась в его лицо и, убедившись, что на нем отражается искреннее недоумение, наконец облегченно вздохнула:

— Да так, ничего... Просто слухи о нем ходят ужасающие, вот я и испугалась, что ты терпишь обиды и молчишь.

— Всё это людские сплетни, — Ань Чанцин до сих пор закипал, когда слышал подобные слухи, поэтому с досадой возразил: — Матушка, не слушайте глупостей. Князь замечательный человек и ко мне относится прекрасно.

Госпожа Юй улыбнулась:

— Хорошо, больше не буду слушать.

Пока они разговаривали, вернулась Ань Сяньйой. Подобные темы не подходили для ушей незамужней девушки, поэтому разговор прекратился.

Ань Чанцин произнес:

— Совсем забыл сказать: из усадьбы прислали десяток служанок. Вы с сестрой выберите тех, кто вам понравится, для личных услуг, а остальных оставьте для тяжелой работы. Когда пройдет Новый год, я отправлю вас в усадьбу.

— После Нового года? — с сомнением проговорила госпожа Юй. — То, что мы гостим в княжеском поместье столько времени, и так уже дает поводы для судов и толков. Не лучше ли нам уехать в усадьбу пораньше?

На самом деле Ань Чанцин и сам обдумывал этот вопрос. Однако отослать мать и сестру встречаться с праздником в усадьбе в одиночестве он не мог — сердце разрывалось. Поразмыслив, он поговорил с Сяо Чжигэ и решил отправлять их только после Нового года.

— Сам князь ничего не сказал, так кто смеет распускать сплетни? — ласково произнес Ань Чанцин. — Матушка, живите спокойно, всё будет хорошо.

— Что до Юй-эр, тебе, должно быть, скучно целыми днями сидеть дома? Через пару дней я найму для тебя учительницу. Будешь учиться у неё грамоте, а когда отправишься в усадьбу, учительница поедет с тобой.

До сих пор сидевшая тихо Ань Сяньйой мгновенно оживилась, и её лицо просветлело.

— Хорошо! — звонко отозывалась она.

Сидевшая рядом госпожа Юй покровительственно пошутила:

— Твоя сестра радуется только тогда, когда слышит об учебе. Как же она потом замуж пойдет?

Ань Сяньйой покраснела и, опустив голову, принялась тискать платочек, не в силах вымолвить ни слова.

Ань Чанцин же вспомнил известия, полученные Ань Фу, и, поразмыслив мгновение, произнес:

— Раз уж зашла речь о замужестве... из поместья маркиза Чжунъюна пришли вести.

Радостная атмосфера мгновенно испарилась. Госпожа Юй нахмурилась:

— Удалось что-нибудь разузнать?

Ань Сяньюй тоже смолкла, лишь непрерывно всматривалась в брата полными тревоги глазами.

— Всё станет известно только завтра, — качнул головой Ань Чанцин. — Не волнуйтесь, этой свадьбе не бывать. Единственное — Юй-эр придется на несколько дней потерпеть дурные слухи.

Госпожа Юй вздохнула и сочувственно погладила дочь по голове. Однако Ань Сяньюй вопреки своей обычной кротости помедлила, сминая платок, а затем набралась храбрости и вымолвила:

— Я не боюсь слухов... Я... я просто не хочу выходить за него.

С тех пор как во время прошлого визита домой Ань Чанцин обмолвился, что У Цзюньшу, скорее всего, завел содержанку на стороне, прежние девичьи мечты Ань Сяньюй угасли. Хотя она и привыкла быть покорной и бессловесной, решительная защита матери и брата придала ей смелости. Впервые в жизни она открыто призналась в своих настоящих чувствах.

Она не желала выходить за него.

Выражение лица Ань Чанцина стало сложным. Помолчав немного под её трепетным взглядом, он погладил её по голове и со вздохом кивнул:

— Хорошо. Если не хочешь выходить за него, мы не станем вас венчать. Я больше никогда не позволю кому-либо обидеть тебя.

<http://bllate.org/book/18381/1767623>